

О том, что два наших односельчанина попали в фашистский плен и встретились там, жители села помнят до сих пор. А подлинную историю рассказал Агеев Виктор Васильевич, ветеран Великой Отечественной войны, родной брат Агеева Николая Васильевича. Судьба Агеева Николая Васильевича тесно была связана с селом, хотя он жил далеко от него, в Украине. Всю жизнь проработал врачом, как и два его сына. Из друзей Агеева Н.В. в настоящее время жив Салов М.Н., проживающий в г. Казань.

Земляки

Федор

Рождён в начале века Перагин Фёдор был,
Он бойким острословом на всю округу слыл.
Ходил, как все, он в школу в соседнее село,
Но были все науки совсем не для него.
Такое было время, не до учёнья тут,
Рождались колхозы, его был нужен труд.
Крестьянин. Не вылезал с колхозных он полей,
Черняв, смугляв и весел, ну - вылитый еврей!
Любил побалагурить, не лез он за словцом,
И, сколько сил хватало, работал он с отцом,
Ему пятнадцать было, и лет не отбавляй,
Когда в семье Агеевых родился Николай.
Агеевым, Перагиным не тесно на земле,
Но никогда не виделись в родном своём селе.
Один у самой Волги жил, другой- считай, в вершках,
Так никогда не встретились на волжских берегах.
Один совсем уж взрослым был, мальчонкой был другой,
Ни разу встречи не было на стороне родной.

Николай

В семье крестьянской, бедной, с нуждою через край,
В голодном двадцать первом родился Николай.
Он рос мальчишкой шустрым и отдыха не знал,
И день и ночь на Волге с отцом он пропадал.
И супротив течения он грёб, что было сил,
От синяков и шишек он пацанов лечил...

Учился он на медика, учёбой увлечён,
Но тут- война. И медики- в первый эшелон.
Судьба его забросила, уехать нелегко,
Родное Красновидово осталось далеко.
Назначен был он в медсанчасть, в лекарствах знал он толк,
Был фельдшером. обслуживал танкистов целый полк.
И на Швянтойи, на реке, служил он в Укмерге,
Свою он службу проходил в литовском городке.
Войну здесь встретил Николай, бомбёжка, артобстрел,
И ужас, и сумятица, ранение и плен.

Плен

Пришёл в себя уж в Австрии, во вражеском плену,
Попал он в Маутхаузен в ту лютую пору.
На лазаретских нарах в себя он приходил,
И видеть умирающих уж не хватало сил...
Желанье жизни сильное, верх молодость брала,
Не умер от ранения наш Николай тогда.
Собрал он свою волю в кулак, что было сил...
Узнали на допросах, что фельдшером он был.
Заставили работать, за пленными смотреть,
А по пятам за парнем ходила злая смерть.
А вечером на нарах он закрывал глаза,
И представлялась Волга, любимая семья.
Душа его летала от плена далеко,
И утром вновь очнуться так было нелегко,
А в мыслях в Красновидове он каждой ночью был,
И вместе с памятью своей по улицам ходил.
Шел тихо по Репьёвке, по Новой слободе,
Он видел всю округу, стоял на Соколе.
И перед домом каждым он замедлял свой шаг,
Он вспоминал фамилии, и помнил, что да как.
Как будто заряжался он силой от села,

Той силой, что невольно преодолеть смогла.
Он видел сотни пленных в застенках у врагов,
Ну, а до смерти было не больше двух шагов.
Все ужасы увидел он в двадцать с небольшим,
И казни, и расстрелы, и крематорный дым.
И был концлагерь этот похлеще жерновов,
Он от военнопленных не оставлял следов.
Все в робах полосатых, на нарах и полу,
Беззвучно проклинали проклятую войну.
Был непосильным гнѐтом людей пленѐнных труд,
Когда десятки тысяч их умирали тут.
Косили их болезни, и голод, и нужда,
Но юность не сдавалась, и верх брала она.
Старались их фашисты унижить, раздавить:
-Ну, как помочь братьям? Я буду их лечить!
С судьбою не поспоришь, хоть и поспорить рад,
А утром на работу, всё в тот же медсанбат.
И пищу, и лекарства он у фашистов крал,
Тихонько заключѐнным в бараке отдавал.

Осматривал он пленных, надежду им вселял,
И от работы в шахте он их освобождал.
Его в бараках ждали, и знали, что придѐт,
Кому-то он спасенье от смерти принесѐт.

Встреча

Однажды по бараку меж пленными он шѐл,
И услышал нечаянно он пленных разговор.
Один из заключѐнных, ну, вылитый еврей,
Рассказывал чего-то для своих друзей...

Был слышен осторожный, надрывный пленных смех,

И видно было: этот- охоч был до потех,

Шутил и балагурил, покоя не давал,

И байки про фашистов он лихо загибал.

Не понимали многие, о чём он говорил,

Да и смеяться от души им не хватало сил.

Лишь только улыбались. На впалые глаза

Тихонько набегала нежданная слеза.

А балагур шути всё, хоть не было и сил:

-А есть ли здесь татары?- у пленных он спросил,-

-Кто здесь из Татарии? А с Волги есть кто здесь?

И чуть не крикнул Николай:

-Есть, есть, конечно, есть!

-Откуда ты, приятель?

-Я с волжских берегов, слышал- из Красновидова?-

Ответ его таков.

-Так ты из Красновидова? И я оттоль, смотри,

Зовут Агеев, Николай, а кто же будешь ты?

-Фамилия знакомая, Агеевых я знал,

А я- Перагин Фёдор, когда-нибудь слышал?

-Перагин? Заовражный? Конечно, я слышал,

Хоть до войны тебя в селе ни разу не встречал.

Земляк! Вот это встреча, К чему обиняки,

И обнялися крепко в застенке земляки.

А дальше были встречи- их все не перечесть,

Поведали друг другу, как оказались здесь.

Им легче было вместе все ужасы стерпеть,

И были вместе земляки, а рядом с ними- смерть.

А Фёдор тихо угасал, простужен был и слаб,

И молча смерти ожидал наш Фёдор, божий раб.
И каждый день знал Николай: в бараке Фёдор ждёт,
И снова у фашистов лекарства он крадёт.
Он Фёдора подкармливал, лекарствами поил,
И с каждым днём у Фёдора поприбавлялось сил.
Фашисты заподозрили, что всё нечисто здесь,
За фельдшером шпионили, узнали всё, как есть.
Они его схватили, и злоба через край,
Успел в толпу он прокричать:
-Прощай, земляк, прощай!
Пытали, избивали:
-Рассказывай, давай!
Не проронил ни слова в ответ им Николай.
-Расстрелян будешь завтра, в одиннадцать часов,-
И уходя, закрыли все двери на засов.
Сидел приговорённый в свои он двадцать лет,
И думал, не увидит он больше белый свет.
Душа рвалась на волю, на родину свою.
О смерти он не думал, он проклинал войну.
Спустилась ночь на лагерь, но не спалось ему,
Прикрыв глаза, он видел родную сторону.
Сидел он, весь избитый, а мысли о селе,
Друг друга обгоняя, теснились в голове. . .
Он долго, долго думал, и не мог понять:
Так много места на Земле, зачем же воевать?
Не верилось, что сгинет он, не дожив свой век,
Последний в его жизни зарозовел рассвет...
Взошло на небе солнце, и десять уж часов,
Вдруг взрывы, крики пленных, открылся вдруг засов.
Союзники ударили по вражьему гнезду,
Его не расстреляли, так повезло ему.
Какое это счастье: от смерти он спасён,

Но Фёдора по лагерю искал напрасно он.
И долго вновь не виделись, потерян след, считай,
Попал в особый лагерь, земляк наш, Николай.
Попал он не к фашистам, теперь уже к своим:
-А ну-ка, расскажи-ка, прислуживал как им?
Как жил ты и что делал во вражеском плену,
И почему не умер в ту лютую войну?
Допросов длинных череда: рассказывай, давай,
Как очутился ты в плену, Агеев Николай. . .
А потому не умер, такому, видно, быть,
О подвигах не думал, хотел он очень жить.
Опять он в камере сидел, и доказать не мог,
Что Родине не изменял, свидетель-только Бог.
Но не забываются добрые дела,
О том, что Николай в тюрьме, пошла гулять молва.
И в суд пришли все те, с кем он тяготы делил,
С кем он во вражеском плену по острою ходил.
И был оправдан Николай, суду он доказал,
Что Родине не изменял, что он людей спасал...

Освобождение

Нечасто, но случаются в жизни чудеса.
Освобождён был Николай, вновь слёзы на глазах...
Прошли те страшные года, нашёл он свой причал,
В далёкой Украине судьбу он повстречал. . .
И в мирной жизни Николай нашёл себя и тут,
Он медицинский, ждановский, закончил институт.
А жизнь свою достойную он людям посвятил.
Дав клятву Гиппократу, он вновь людей лечил.

Встреча

А родину на Волге не мог он позабыть.
Не сразу, но собрался родных он навестить.
К родным своим приехал в конце сороковых,
За столько лет разлуки впервые обнял их...
А новость перекинулась в другой конец села,
Перагин Фёдор поспешил увидеть земляка.
И новость благодатная ему давала сил,
Он на другой конец села, как никогда, спешил.
-Земляк! Спаситель Николай, уж я не верил в жизнь,-
И крепко, как родные, собратья обнялись.
И был один постарше, другой моложе был,
Но в волосах запутались нити паутин...
-А помнишь ты?... А помнишь, как?..- И посреди села
От счастья встречи плакали два наших земляка. . .
Такая вот история о жителях села,
В концлагере которых свела навек судьба.
И мир большой так тесен, бывают встречи в нём,
Какие-то отмечены и болью, и огнём.
А Николай в селе бывал, он к Фёдору ходил,
И гостем долгожданным в его семье он был.
Взбирались, где повыше, и, захмелев слегка,
Неволю вспоминали два наших земляка.
И было что им вспомнить, о чём поговорить,
Был повод им за встречу судьбу благодарить.

Эпилог

Судьбу устроил Фёдор, взрастил свою семью,
И больше не покинул родную сторону.
И Николай цеплялся за жизнь, что было сил,
Он, сам того не ведая, подвиг совершил.
Уже давно нет Фёдора, лет десять, почитай,
В соседнем государстве остался Николай.
Со встречи той немало уж промчалось годов,
Но помнят красновидовцы про подвиг земляков!